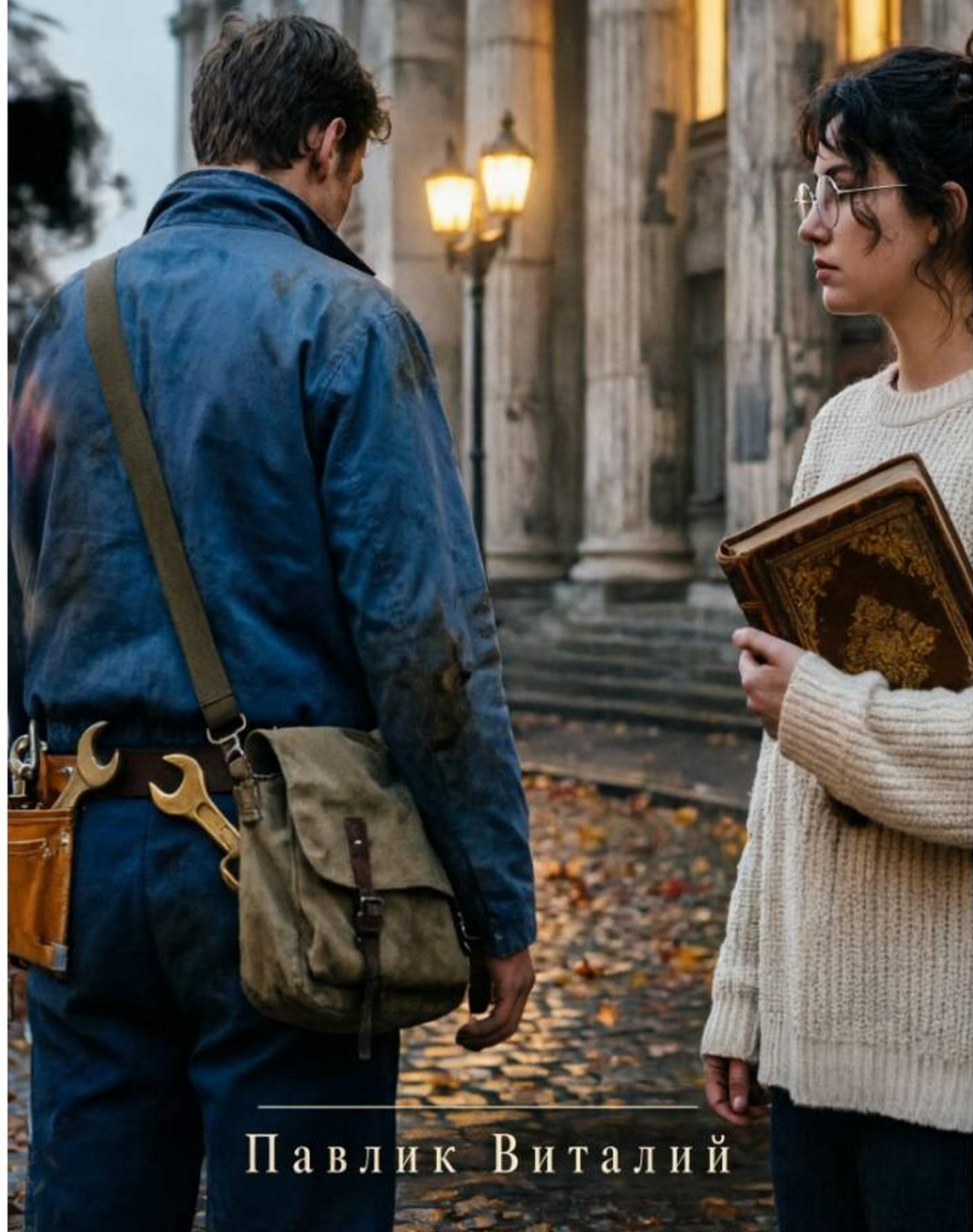

Пятна души: Сантехник

Павлик Виталий

Виталий Павлик

Пятна души: Сантехник

«Автор»

2026

Павлик В. А.

Пятна души: Сантехник / В. А. Павлик — «Автор», 2026

Роман — обычный сантехник. По крайней мере, так он думал семнадцать лет. Он чинит трубы, меняет прокладки, слушает жалобы бабушек. Но при этом видит то, что скрыто от других: бурые пятна вины на груди изменщиков, фиолетовые следы домашнего насилия на "примерных семьянинах", чёрные кляксы лжи на лицах тех, кто улыбается в глаза. Роман научился не смотреть. Научился жить с этим. Пока не пришёл чинить трубу в старую библиотеку и не встретил Яну. Городское фэнтези про обычного мужика с необычной способностью. Про то, что иногда, чтобы спасти кого-то, нужно самому перестать бояться.

© Павлик В. А., 2026

© Автор, 2026

Виталий Павлик

Пятна души: Сантехник

Пятна души

Сантехник

Павлик Виталий

Содержание:

Глава 1. Трубы

3

Глава 2. Книги

4

Глава 3. Пустота

6

Глава 4. Дома

9

Глава 5. Наблюдение

10

Глава 6. Привычка

13

Глава 7. Дневник

15

Глава 8. Тень

16

Глава 9. След

18

Глава 10. Выбор

20

Глава 11. Урок

22

Глава 12. Живой человек

24

Глава 13. Команда

26

Глава 14. Цена
27

Глава 15. Первые трещины
29

Глава 16. Тени
31

Глава 17. Разговор
32

Глава 18. Подготовка
34

Глава 19. Ночь
35

Глава 20. Дом Яны
37

Глава 21. Утро после
39

Глава 22. Ловушка
40

Глава 23. Завод
41

Глава 24. Давление
43

Глава 25. Чистка
45

Глава 1. Трубы

Роман стоял на коленях в ванной комнате на пятом этаже хрущёвки на улице Космонавтов и откручивал гайку под раковиной. Ключ-шестигранник был холодным, пальцы уже начали затекать — неудобная поза, потолок низкий, приходится работать почти лёжа. Из трубы капала ржавая вода, пахло сыростью, плесенью и чем-то сладковатым — наверное, старый линолеум под ванной начал гнить.

— Ну что там, молодой человек? — голос хозяйки, бабы Зины, доносился из кухни вместе с запахом жареной картошки и подгорелого масла. — Давно у нас этот кран течёт. Я уж думала, вы все перевелись, сантехники-то.

— Сейчас, Зинаида Петровна, — буркнул Роман, подставляя тазик. Вода была мутная, с рыжими хлопьями. — У вас тут всё в ржавчине. Давно трубы не меняли?

— Да при мне ещё! Сорок лет, наверное. А что менять-то? Работают же, и ладно.
Роман не ответил. Он смотрел не на трубы.

Он смотрел на Зинаиду Петровну, которая стояла в дверном проёме, вытирая руки о передник. И видел то, что не должен был видеть.

На её груди, прямо поверх цветастого халата, расплывалось бурое пятно. Оно не было видимым в обычном смысле — нельзя было потрогать, сфотографировать, показать кому-то. Но Роман видел его так же чётко, как видел облупившуюся краску на стенах. Пятно пульсировало, медленно расползлось к горлу, и Роман знал, что это значит. Вина. Тяжёлая, застарелая вина, которая не даёт дышать.

Он отвернулся, делая вид, что возится с трубой. За семь лет работы сантехником он научился не смотреть людям в глаза. Иначе можно сойти с ума. Каждый второй клиент ходил с такими пятнами — кто с маленькими, еле заметными, кто с огромными, которые закрывали половину тела, как чёрные татуировки.

Муж изменял жене — бурые разводы на руках, словно он пытался отмыть что-то, что не отмывалось. Женщина не простила себе аборт — серые полосы на животе, тянущиеся вниз. А сосед Романова, тихий инженер с третьего подъезда, который на работе был душкой и всегда приносил коллегам пирожки, — на нём были фиолетовые, болезненные пятна. Такие, как синяки на самой душе. Роман видел, как этот человек однажды вернулся домой пьяным, и слышал сквозь стену, как жена плакала всю ночь. Утром она вышла с замазанным тональником синяком под глазом, а он пошёл на работу, как ни в чём не бывало. С тех пор Роман знал: фиолетовые пятна — это насилие. Тихое, домашнее, которое не видно снаружи.

Роман умел видеть эту грязь. С двенадцати лет. Тогда он впервые заметил, что на людях есть что-то, чего не видят другие. Сначала думал, что это галлюцинации. Потом, что он сошёл с ума. Потом перестал думать вообще — просто научился жить с этим. Как с хронической болезнью, к которой привыкаешь.

— Готово, — сказал он, вытирая руки ветошью. — Теперь не будет течь. Но трубы всё равно надо менять. Это не ремонт, это мучение.

— Ой, спасибо, Ромочка! — Зинаида Петровна зашла в ванную, чтобы расплатиться. — Ты такой молодец. Дай-ка я тебе чаю налью.

Она протянула ему деньги — смятые купюры, пахнувшие нафталином. Их руки соприкоснулись на секунду.

Роман вздрогнул. Пятно на её груди дёрнулось, как от боли. И он увидел — не в первый раз, но каждый раз это било как током — как пятно пульсирует, и в нём вспыхивают образы. Молодая Зина, лет двадцати. Она стоит у окна и держит в руках конверт. Плачет. Потом прячет конверт в книгу. Потом проходит тридцать лет, и она каждый день смотрит на эту книгу, но не может открыть.

Роман отдёрнул руку.

— Спасибо, Зинаида Петровна. Не надо чаю. Мне ещё на Ленинский ехать.

— Ну как хочешь, — она проводила его до двери. — Ты заходи, если что.

— Обязательно.

Он спустился по лестнице — лифт не работал, как всегда — вышел на улицу. Сентябрьский вечер был холодным, ветер гнал по асфальту сухие листья. Роман достал пачку сигарет, но тут же убрал её обратно. Бросил три года назад, и не собирался начинать снова.

Просто стоял, смотрел, как в окна соседних домов зажигается свет. За каждым окном — чья-то жизнь. Чьи-то пятна.

Это была его работа. Не только трубы чинить. Но и видеть. Видеть, как люди живут с этой грязью на себе. Как она разъедает их изнутри, как они делают вид, что ничего не замечают.

Он поправил сумку с инструментами на плече и пошёл к автобусной остановке.

Пора было ехать на Ленинский. Там, в старом здании библиотеки, протекала труба. И Роман почему-то чувствовал, что эта поездка будет не такой, как все.

Глава 2. Книги

Библиотека на Ленинском выглядела как декорация к фильму про советскую интеллигенцию. Высокие окна с лепниной, паркет, который скрипел под ногами, запах старой бумаги и пыли. Роман шёл по коридору, неся сумку с инструментами, и чувствовал себя чужаком. Здесь не было ржавых труб и облезших обоев, как в хрущёвках. Здесь было тихо и как-то... правильно. Как в музее, где нельзя громко разговаривать.

— Вы сантехник? — голос донёсся из-за высокого деревянного стеллажа.

Роман обернулся и увидел её.

Девушка лет двадцати шести, может, чуть моложе. Тёмные волосы небрежно собраны в пучок, на носу очки в тонкой металлической оправе. На ней был растянутый свитер и джинсы с потёртостью на колене — не для моды, а потому что просто старые. В руках она держала толстую книгу, раскрытую на специальном столе-подставке.

— Да, — сказал Роман. — Меня вызывали. Сказали, в читальном зале труба под потолком потекла, вода по стене идёт.

— А, да, — она кивнула, аккуратно закрывая книгу. — Это у нас в дальнем углу. Я Яна. Работаю здесь реставратором.

Она протянула ему руку, чтобы поздороваться. Роман колебался долю секунды — он не любил касаться людей без крайней необходимости. Но потом всё же пожал её руку.

И замер.

На ней не было пятен.

Ни одного. Ни бурых, ни серых, ни чёрных. Её аура была чистой, как лист бумаги, на котором ещё ничего не написано. Роман видел такое только один раз в жизни — на новорождённом ребёнке, который ещё не успел накопить грехов. Но взрослые? Взрослые всегда были в пятнах. Даже самые добрые, даже самые святые.

— Вам плохо? — Яна наклонила голову, разглядывая его с лёгким любопытством.

— Нет, — он быстро, но вежливо отдёргнул руку. — Просто... устал. Дорога долгая.

— Понимаю, — она улыбнулась. У неё была странная улыбка — чуть кривая, как будто она сама не до конца верила в то, что говорит, или знала какой-то секрет. — У нас тут тоже не курорт. Книги сами себя не реставрируют.

— Реставратор? — спросил Роман, чтобы сказать что-нибудь и выиграть время, чтобы прийти в себя.

— Да. Работаю с редкими изданиями. Клею корешки, восстанавливаю страницы, убираю плесень. — Она погладила обложку книги на столе. — Это Пушкин, прижизненное издание. Ему почти двести лет. Представляете, сколько рук его держало?

Роман представлял. Двести лет. Сколько глаз читали эти строки. И все они оставили что-то на страницах — не чернила, не отпечатки пальцев, а что-то другое. Что-то, что Роман не мог видеть, но чувствовал кожей.

— Пойдёмте, я покажу, где течёт, — Яна развернулась и пошла вперёд.

Роман последовал за ней, стараясь смотреть под ноги, а не на неё. На ней не было ни единого пятна. И это было... неправильно. Так не бывает. Либо она святая, либо...

Он не хотел думать о втором варианте.

Читальный зал оказался большим помещением с высокими потолками и окнами в пол. В дальнем углу, у стены, действительно темнело мокрое пятно, а с чугунной трубы отопления, идущей под самым потолком вдоль стены, методично капала вода в подставленный таз. *Кап. Кап.*

Роман поставил сумку, достал разводной ключ и стремянку. Яна села за свой стол неподалёку и продолжила работать с книгой, изредка поглядывая на него.

— А вы давно здесь работаете? — спросила она, не поднимая глаз.

— Семь лет, — ответил Роман, поднимаясь по стремянке и проверяя гайку на фланце.

— С тех пор, как из армии вернулся. Сантехником стал, как отец.

— А до армии?

— Нигде особо. Учился плохо. Работал разнорабочим, грузчиком. Потом армия, потом сюда.

Она засмеялась. Тихо, как будто боялась разбудить книги.

— Честно? Я тоже не планировала быть реставратором. Хотела журналистом. Но потом поняла, что мне больше нравится работать с прошлым, чем с настоящим.

— Почему?

— Потому что прошлое уже случилось, — она подняла на него глаза. — Его нельзя изменить. Можно только сохранить.

Роман посмотрел на неё внимательно, придержав ключом трубу. В её глазах было что-то странное — как будто она смотрела не на него, а сквозь него, в какую-то свою глубину.

— А настоящее? — спросил он.

— Настоящее слишком громкое, — она вернулась к книге. — В нём слишком много шума. А в прошлом тихо.

Роман закончил подтягивать соединения, проверил, что течь прекратилась, и начал спускаться. Ему не хотелось уходить. Рядом с Яной он чувствовал что-то, чего не чувствовал годами — спокойствие. Как будто её чистота действовала на него, как прохладная вода на ожог.

— Если что, заходите, — сказала она, когда он направился к двери, собирая инструменты. — У нас в этом старом здании всегда есть работа для сантехника.

— Обязательно, — пообещал он.

И вышел, чувствуя, как её взгляд жжёт ему спину.

Глава 3. Пустота

Три дня Роман не мог выкинуть Яну из головы.

Он ходил по вызовам, чинил краны, менял прокладки, слушал жалобы бабушек на жизнь. Видел пятна на их душах — бурые, серые, чёрные. Но каждый раз, когда закрывал глаза, видел её. Чистую. Пустую.

На четвёртый день он не выдержал.

— Мне нужно в библиотеку, — сказал он коллегам в ЖЭКе. — Там, на Ленинском, ещё одна труба потекла. Я сам.

— Ты что, там поселился? — усмехнулся Саня, его напарник. — Может, тебе ключ дать, а?

Роман не ответил. Он просто взял сумку и пошёл.

В библиотеке было тихо, как всегда. Яна сидела за своим столом в читальном зале и склонилась над книгой. Когда Роман вошёл, она подняла голову и улыбнулась.

— Сантехник вернулся, — сказала она. — Я уж думала, вы про нас забыли.

— Новая труба потекла, — соврал Роман. — Покажете?

— Конечно.

Они пошли по коридору. Роман шёл рядом с ней и старался не смотреть, но не мог. Она была такой же чистой, как в первый раз. Ни единого пятна.

— Яна, — сказал он вдруг. — Можно спросить?

— Конечно.

— Почему вы здесь работаете? Не журналистом, а именно здесь.

Она остановилась и посмотрела на него. В её глазах мелькнуло что-то — страх? грусть? — но тут же исчезло.

— Потому что здесь тихо, — сказала она. — И потому что книги не врут. Они хранят правду. Даже если автор давно мёртв.

— А люди?

— Люди врут, — она продолжила идти. — Все время. Даже себе.

Роман догнал её.

— А вы?

Она остановилась снова. Повернулась к нему.

— Что — я?

— Вы не врётё?

Яна молчала долго. Потом улыбнулась — той самой кривой улыбкой.

— А вы что, можете это определить?

Роман замер. Сердце колотилось где-то в горле.

— Что?

— Ну, — она пожала плечами. — Вы смотрите на людей так, как будто видите что-то, чего они сами не видят. Может, вы и правда можете определить, кто врёт.

Роман не знал, что ответить. Он никогда не встречал никого, кто бы догадался.

— Это работа такая, — сказал он наконец. — Сантехник. Видишь, как люди живут.

— Ага, — она кивнула. — Наверное.

Они дошли до читального зала. Роман сделал вид, что осматривает трубу, хотя уже знал, где она течёт. Яна вернулась к своему столу.

— Знаете, — сказала она вдруг, не поднимая глаз от книги. — Есть такая профессия — реставратор. Мы не просто чиним книги. Мы возвращаем им память. Иногда книги забывают, кем они были. А мы напоминаем.

— А если книга не хочет помнить?

Яна подняла на него глаза. В них было что-то тёмное, что Роман увидел впервые.

— Тогда мы стираем то, что она не хочет помнить, — сказала она тихо. — И пишем заново.

Роман почувствовал, как по спине бежит холод. Он хотел спросить — что она имеет в виду? Но не успел.

Дверь читального зала открылась, и вошла пожилая женщина с охапкой книг.

— Яночка, ты не посмотришь? У меня тут Достоевский разваливается.

— Конечно, Марья Ивановна, — Яна встала и пошла к ней. — Покажите.

Роман стоял и смотрел, как она берёт книгу из рук старушки. И в этот момент он увидел.

На мгновение — буквально на долю секунды — на руках Яны появились пятна. Чёрные, густые, пульсирующие. А потом исчезли. Так быстро, что Роман подумал, что ему показалось.

Но он знал — не показалось.

Он схватил сумку и почти выбежал из библиотеки. Сердце колотилось, в ушах шумело. На улице он остановился, достал пачку сигарет. Руки дрожали.

Бросил три года назад. Не собирался начинать снова.

Но сейчас — сейчас ему нужно было курить.

Он достал сигарету, прикурил, затянулся глубоко. Дым обжёг лёгкие, но это было то, что нужно. Что-то реальное, что-то простое, что могло заглушить страх.

Что она такое?

И почему — почему! — ему так хотелось вернуться?

Глава 4. Дома

Роман шёл от автобусной остановки до своего дома медленно, хотя мог бы и быстрее. Сигарета догорала между пальцами, дым щипал глаза. Он курил жадно, как человек, который не курил три года и вдруг вспомнил, зачем это делал.

Сорвался. Вот так просто. Три года держался, а тут — на тебе. Из-за какой-то девчонки из библиотеки.

Он бросил окуроч в урну и достал вторую. Руки дрожали. Не от страха — он бы себе в этом не признался. От чего-то другого. От непонимания.

Чёрные пятна на её руках. На долю секунды. И исчезли.

Он видел много пятен за свою жизнь. Бурых — вина. Серых — обида. Фиолетовых — жестокость. Чёрных — ложь, густая, застарелая ложь, которая въелась в человека. Но чтобы пятна появлялись и исчезали по воле человека? Такого не бывало. Пятна — это как шрамы. Они либо есть, либо их нет. Они не умеют прятаться.

Роман свернул во двор. Его дом — обычная девятиэтажка на окраине, построенная ещё при Брежневe. Подъезд с облeзшей краской, лифт, который скрипит, как старик. Он поднялся на седьмой этаж, открыл дверь ключом.

Квартира была маленькой — одна комната, кухня, санузел. Но чистой. Роман не терпел беспорядка. Может, потому, что видел слишком много чужого беспорядка — и в трубах, и в душах.

Он скинул куртку, пошёл на кухню, налил себе воды из-под крана. Выпил залпом. Вода была холодной, с металлическим привкусом — старые трубы давали о себе знать даже здесь.

Сел за стол. Посмотрел в окно. Во дворе играли дети, кричали, гоняли мяч. Молодая мать сидела на лавочке с телефоном, не поднимая глаз. На ней, даже с седьмого этажа, Роман ничего не видел — слишком далеко. И слава богу.

Он думал о Яне.

О том, как она улыбалась кривой улыбкой, когда говорила про прошлое. О том, как она держала книгу — бережно, как живое существо. О том, как на её руках на мгновение проступили чёрные пятна.

И о том, что он не смог отвести взгляд.

Это было самое странное. Он видел грязь на людях семнадцать лет. Научился не смотреть, научился игнорировать, научился жить с этим. А тут — не смог. Захотел вернуться. Захотел смотреть ещё.

Он встал, подошёл к окну. Во дворе уже темнело, в окнах зажигался свет. Где-то на пятом этаже соседнего дома кто-то громко включил телевизор — доносился смех из какой-то передачи.

Роман закурил ещё одну сигарету. Пачка заметно полегчала.

— Ну и дела, — сказал он вслух, сам с собой. Голос прозвучал хрипло.

Он не знал, что делать. Вернуться в библиотеку? Под каким предлогом? Сказать Яне прямо: "Я вижу, что у вас на душе пятна"? Она подумает, что он псих. Или, что хуже, — испугается.

А может, ему показалось? Может, это усталость, нервы, ещё что-то? Он же видел пятна только один раз на её руках. Могло померещиться.

Но он знал — не померещилось.

Роман потушил сигарету и пошёл спать. Завтра была смена. Завтра будут другие люди, другие трубы, другие пятна. Завтра он будет думать о Яне меньше.

Но он ошибался.

Глава 5. Наблюдение

На следующий день Роман с утра был сам не свой.

Саня, его напарник, заметил это сразу, когда они загружали машину инструментами.

— Ты чего такой мятый? — спросил Саня, закуривая у "Газели". — Ночью не спал?

— Нормально спал, — буркнул Роман, проверяя ключи.

— Ага. А глаза красные. Может, к врачу сходить? А то как в прошлый раз — давление скаканет, и всё.

— Нормально всё, — отрезал Роман. — Поехали.

Первый вызов был на окраине — меняли смеситель в новостройке. Хозяева — молодая пара, только заехали. Оба чистые, почти без пятен, только у мужа на плече темнело маленькое серое пятнышко — наверное, соврал кому-то по мелочи. Роман даже расслабился. Обычная работа.

Второй вызов — бабушка на втором этаже, забилась канализация. Роман прочистил трубу тросом, пока бабушка кормила его пирожками с капустой. Она была вся в серых пятнах — тоска, одиночество, сожаления о прошлом. Но Роман уже привык к таким. Это была его работа.

К обеду они закончили и поехали в ЖЭК сдавать машину. Саня сказал, что идёт домой, а Роман вдруг сказал:

— А я пешком пройду. Разомнусь.

— Как хочешь, — Саня пожал плечами. — Завтра в восемь у машины.

Роман пошёл не домой. Он пошёл в библиотеку.

Сам не понимал, зачем. Сказал себе — просто пройду, посмотрю, что там. Но внутри знал — он идёт к ней.

Библиотека была открыта. Роман вошёл, стараясь идти тихо. В холле пахло старыми книгами и каким-то средством для пола. На ресепшене сидела женщина лет пятидесяти, читала газету.

— Здравствуйте, — сказал Роман. — Я сантехник. Мне нужно в читальный зал, там, говорят, трубу опять прорвало.

Женщина подняла на него глаза, прищурилась.

— В читальный? А мне ничего не говорили. Вы уверены?

— Да, — Роман не моргнул. — Диспетчер сказал, что жалоба поступила.

— Ну ладно, проходите. Только тихо, у нас посетители.

Роман кивнул и пошёл по коридору. Сердце стучало чуть быстрее, чем должно было.

В читальном зале было тихо. Несколько посетителей сидели за столами, склонившись над книгами. У окна, на своём обычном месте, сидела Яна.

Роман остановился в дверях и посмотрел на неё.

Она была такой же чистой. Ни одного пятна. Как и вчера. Как и всегда.

Он подошёл ближе, стараясь не привлекать внимания. Яна подняла голову, увидела его — и на её лице мелькнуло что-то. Удивление? Узнавание?

— Снова Вы, — сказала она тихо, когда он подошёл к столу.

— Снова, — кивнул Роман. — Извините, если мешаю.

— Вы не мешаете, — она отложила кисточку, которой что-то аккуратно промазывала на странице. — У вас опять протечка?

— Нет. — Роман замялся. Врать он не любил, но и правду сказать не мог. — Просто... проходил мимо. Решил зайти. Спросить, как дела с трубой.

— С трубой всё хорошо, — Яна улыбнулась той самой кривой улыбкой. — Спасибо вам. Вы хорошо работаете.

— Рад, что помог.

Он стоял и не знал, что делать. Уйти? Но тогда зачем пришёл? Остаться? Но под каким предлогом?

— Может, чаю? — предложила Яна вдруг. — У нас тут кипятильник есть. Чай в пакетиках, конечно, не ахти, но сойдёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.